

A romantic couple in formal wear. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a black tuxedo with a white shirt and black tie. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a black spaghetti-strap dress. They are facing each other, nearly kissing, with the man's hand gently touching the woman's neck. The background is a soft, warm glow of orange and red.

Ева
БАЛЕТТИ

БЫВШИЙ МЕЖДУ НАМИ ОСТАЛОСЬ "если"

Ева Валетти

**БЫВШИЙ. Между
нами осталось "если"**

«Автор»

2026

Валетти Е.

Бывший. Между нами осталось "если" / Е. Валетти — «Автор»,
2026

Семь лет назад я верила, что у нас всё всерьёз. Но он выбрал карьеру — и ушёл. А вскоре я узнала, что беременна. Я справилась. Любимый сын. Стабильная работа. Жизнь, которую я выстроила сама. Но однажды его холдинг поглотил нашу логистическую компанию. Теперь он — мой босс, холодный и беспощадный. А я для него — всего лишь нерадивая сотрудница, рассыпавшая архив у его ног. Моя жизнь превратилась в маршрут повышенной опасности. Потому что мне нельзя снова влюбиться в него. А ему — узнать, что наш маленький Ярик слишком на него похож.

© Валетти Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ева Валетти

БЫВШИЙ. Между нами осталось "если"

Глава 1

С самого утра меня мучило дурное предчувствие, но я даже представить не могла, что случится такое.

Коридор «Транс-Логистика» гудел, будто разворошённый улей. Сотрудники носились с папками, прижимали к ушам телефоны, шипели друг на друга вполголоса. В воздухе висел запах свежесваренного кофе и чьих-то слишком резких духов. На стенах ещё не успели сменить таблички — старый логотип соседствовал с новым, пока ещё чужим для всех. Два хищника на одной территории, но уже понятно, кто кого сожрёт.

Сегодня приедет Гордеев. Новый директор.

— Юль, ты левее держи, левее, — сипела Оля из-под коробки. — У меня сейчас позвончик лопнет.

— Держу, держу.

Я поправила подбородком верхний картон. Угол впился в горло. Руки дрожали — то ли от тяжести, то ли от того, что я с шести утра не позволяла себе ни кофе, ни секунды покоя. Архив надо было перетащить из диспетчерской ещё вчера. Но вчера у нас был один генеральный, а сегодня — другой. И этот другой не любил, когда у него под ногами пылится бумага девяностых годов.

— Юль, ты сегодня видела этих... его свиту? — выдохнула Оля. — Костюмы по цене моей квартиры. Часы — как годовой бюджет нашего отдела. Стоят, презрительно ноздрями шевелят.

— Тише ты. Услышат.

— И пусть слушают, — Оля сдула чёлку со лба.

— Оля, ты понимаешь, что этот Гордеев — просто лощёный стервятник?

Голос отскочил от голых стен коридора, и я даже не попыталась его пригасить. Злость требовала выхода — иначе бы я села на пол и расплакалась прямо тут, между коробками. Шутка ли — бывший снова пришёл рушить мою жизнь. И кто бы мог подумать: теперь он мой руководитель.

— Он скупил нас, чтобы пустить под нож, — продолжила я. Коробка съехала, я подбила её коленом. — Уверена, он из тех самовлюблённых индюков, которые людей за цифрами не видят. Я скорее пойду фуры вручную разгружать, чем буду заглядывать в рот этому холёному деспоту!

Ольга что-то пискнула. Кажется, моё имя. Я не разобрала.

Дверь в подсобку была тяжёлой. Я развернулась спиной, нащупала её бедром и начала пятиться, толкая створку всем весом. Коробки кренились. Бумажная пыль щекотала нос.

И тут я во что-то врезалась.

Не в стену. Стена не дышит. Стена не пахнет горьким парфюмом с нотой чего-то древесного, дорогого, болезненно знакомого.

— Интересная характеристика. Продолжайте.

Голос показался до ужаса знакомым.

Я охнула. Руки разжались сами. Верхняя коробка качнулась — я попыталась её перехватить, но картон уже скользил, и вниз, на чьи-то идеально начищенные туфли, обрушилась лавина. Путевые листы пятилетней давности. Акты сверки. Скрепки разлетелись веером, цеп-

ляясь за ткань брюк. Папка-скоросшиватель с глухим стуком приземлилась прямо на носок ботинка.

Я обернулась. Очень медленно. Будто шею ржавчиной прихватило.

Передо мной стоял Александр.

Саша.

Имя царапнуло горло изнутри, я сглотнула — без толку. Колени стали ватными. Воздух в коридоре загустел, и я втягивала его рывками, как будто кто-то отмерял мне глотки по чайной ложке. И всё было мало.

Семь лет.

Семь лет — это много? Это целая жизнь. За семь лет можно родить ребёнка, выкормить его грудью, научить чистить зубы, не бояться темноты и говорить «спасибо». За семь лет можно тысячи раз пообещать себе, что забудешь его запах. И тысячи раз проснуться ночью оттого, что не вышло.

Он стал жёстче. Резче. Скулы будто заточили — о такие порежешься, если прикоснёшься. У губ залегла новая складка — вертикальная, властная, как росчерк красного карандаша на договоре. Исчезла прядь, которая вечно лезла ему в глаза, — он отстриг её, как отстригают всё лишнее. И от этой отсутствующей пряди мне стало почему-то особенно больно.

Возмужал. Боже, как он возмужал.

А глаза остались теми же. Серые. Холодные. Как ноябрьский лёд, по которому дети любят бить подошвой — и смотреть, как трескается. Только тогда, семь лет назад, в этих глазах ещё что-то жило. Искрилось от моего смеха. Темнело, когда я расстёгивала пуговицу. Сейчас там была пустыня. Расчищенный полигон. Зона отчуждения, где ничего не растёт уже давно — и расти не собирается.

Я ждала.

Дрогнувшего века. Сжавшейся челюсти. Хоть чего-нибудь.

Ничего.

Он смотрел сквозь меня — как смотрят на пустое место, где раньше висела картина, а потом вдруг исчезла.

— Александр Михайлович, я... — это влез его помощник, молодой парень с планшетом. Бледный. Видимо, уже понял, что присутствует при казни.

Босс поднял ладонь. Один короткий жест. Помощник замолчал.

Гордеев медленно опустил взгляд. На свои туфли — ещё минуту назад начищенные до зеркального блеска, а теперь погребённые под ворохом путевых листов. На брюки, где белели прилипшие стикеры и обрывки старых актов. Папка-скоросшиватель валялась поперёк его ботинка.

Потом перевёл взгляд на меня.

Я стояла перед мужчиной, от которого родила сына, — и не знала, что сказать. В груди горело. Но я держала спину. Я всегда держала спину. Это было единственное, чему меня по-настоящему научили — мать, бессонные ночи с младенцем и пять лет в логистике.

— Белова Юлия Дмитриевна? — спросил он сухо. Не у меня. У помощника. Будто я не стояла перед ним. Будто я не дышала в полуметре.

— Да, Александр Михайлович. Начальник отдела оперативной логистики.

— Подберите персонал поадекватнее, чтобы расчистить этот бардак.

Внутри задрожало — мелко, противно. Я сцепила руки, чтобы он не увидел, как они трясутся.

— А вас... — он сделал паузу, стряхнул стикеры со штанины лёгким, почти ленивым движением. — Жду у себя через десять минут. Вместе с вашим планом «ручной разгрузки фур», раз уж вы так к ней стремитесь.

Развернулся и ушёл. Бумаги зашуршали под его подошвой — он даже не потрудился их обойти.

Я смотрела ему в спину — широкую, обтянутую тёмным пиджаком, — и не могла вдохнуть. Помощник засеменил следом, бросив на меня сочувственный взгляд. Ольга что-то шептала за плечом, дёргала за рукав. Я не слышала.

Я думала о Ярике.

О сыне, которого вечером забирать из садика. О сыне, который вчера спросил, почему у Тёмы есть папа, а у него нет. О сыне с серыми глазами и упрямой вертикальной складочкой у губ, когда он сердился.

Десять минут.

У меня было десять минут, чтобы решить, как смотреть в глаза человеку, который когда-то от меня отказался, а теперь мог отнять всё.

Телефон в кармане завибрировал. Я машинально вытащила его дрожащими пальцами.

«Мама, заберите Ярослава пораньше. У него температура 38,7, и он всё время вас зовёт».

Глава 2

Десять минут — это много, если ты идёшь на казнь. И мало, если нужно придумать, как выжить.

Я шагала по коридору, и каблуки стучали слишком громко. Телефон в кармане дёрнулся снова — коротко, требовательно, — и я сжала его сквозь ткань, не доставая. Я знала, что там. Воспитательница. Температура. Ярик, который звал маму. А мама шла в противоположную сторону — к человеку, который семь лет назад выбрал всё это: кожаные кресла, панорамные окна, запонки с монограммой — вместо неё.

Секретарша кивнула на дверь. Я вошла.

Кабинет прежнего генерального был большим, но уютным — с выцветшими грамотами на стенах и кружкой «Лучший босс» на подоконнике. За три часа от прежнего хозяина не осталось следа. Стены голые. Стол — чёрное стекло, ни пылинки. Ноутбук. Стакан воды без газа. И он.

Саша... Александр Михайлович сидел, уткнувшись в бумаги. Пиджак снят, рукава рубашки закатаны до локтей. Раньше он так не делал. Раньше он был мальчишкой в мятой футболке, который варил мне кофе в три часа ночи и целовал в макушку, пока я засыпала. Сейчас передо мной сидел мужчина, который выстроил себя заново — без единой мягкой линии.

Я стояла. Он не предложил сесть.

Тридцать секунд. Минута. Он переворачивал страницы — ровно, методично, будто меня в комнате и не было. Я слушала шорох бумаги и собственное дыхание. На краю стола стояла рамка — лицом ко мне. Девушка. Молодая, светловолосая. Она улыбалась так открыто, как я уже и забыла улыбаться. У меня заныло под ложечкой.

Телефон в кармане снова вздрогнул. Я вцепилась в него ногтями.

— Садитесь, — сказал он, не поднимая головы.

Я села.

— Белова, объясните мне одну вещь.

Он наконец поднял глаза. Серые, с прищуром, который я помнила — только раньше он щурился от солнца на крыше общежития, а теперь от чего-то совсем другого.

— Каким образом архив пятилетней давности оказался в диспетчерской вместо хранилища?

— Хранилище затопило в марте, — ответила я. — Трубы. Пока чинили, документы временно перенесли. Потом не хватало рук вернуть.

— «Временно», — повторил он. — Три месяца — это ваше определение «временно»?

— Это определение «штат сокращён на сорок процентов», — я посмотрела ему в глаза. — Попробуйте управлять логистикой, когда у вас вместо сорока трёх человек — двадцать шесть, а объёмы те же.

Его челюсть дрогнула. Едва заметно. Я бы даже не заметила, если бы не знала это лицо наизусть. Если бы не изучила его когда-то — каждую чёрточку, каждый жест — так, как изучают карту перед долгим путешествием. Путешествие закончилось, а карта осталась.

— Вы сейчас напишете объяснительную, — он откинулся в кресле. — И составите план реорганизации архивного хранения. Сроки, ответственные, бюджет. Полный цикл.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Телефон вздрогнул в кармане в очередной раз. Горло сжалось. Ярик. Тридцать восемь и семь. Он звал маму. А мама сидела в кабинете, который пах парфюмом его отца, и собиралась писать объяснительную.

Я машинально скосила глаза на настенные часы. Одиннадцать сорок. До конца рабочего дня — вечность. До садика — сорок минут на автобусе. На такси чуть быстрее.

— Куда-то торопитесь, Белова?

Он смотрел на меня. И в этом взгляде мелькнуло что-то живое. Что-то тёмное, цепкое, с зубами.

— Сегодня мне нужно уйти пораньше, — я сглотнула. — Личное дело.

— Ваш рабочий день — до восемнадцати ноль-ноль. И до восемнадцати ноль-ноль вы сидите здесь. За этим столом. С отчётом. — Он выдержал паузу. — Иначе я буду вынужден поставить вопрос о вашем соответствии занимаемой должности. Вы меня поняли?

Я поняла.

Я поняла гораздо больше, чем он сказал. Он видел, как я смотрю на часы. Знает, что мне нужно уйти. И перекрывает выход — спокойно, с ленивой жестокостью человека, который привык, что его слово — последнее.

Телефон дёрнулся снова. Ну зачем писать мне каждую минуту. Я поняла всё с первого раза.

Ярик. Тридцать восемь и семь. Он маленький. Ему шесть. У него горят щёки и мокрая от пота чёлка, и он лежит на кровати, обнимая динозавра, и ждёт маму. Мама — это я. Мама — это единственный человек в его мире, который всегда приходит.

Я посмотрела на Александра Михайловича. На его закатанные рукава. На вену, которая билась у запястья — ровно и спокойно, будто ничего не происходило. На фотографию улыбающейся блондинки. На его губы, сжатые в линию.

Когда-то эти губы шептали мне в висок всякую ерунду. Тогда я засыпала, чувствуя его дыхание на шее. Думала, что мы — это навсегда. А потом «навсегда» закончилось за один разговор, и он ушёл строить новую жизнь.

Я встала.

— Белова, я не закончил.

— Зато я закончила.

Он замолчал. Ноздри его задрожали — знакомо.

— Увольняйте, Александр Михайлович, если хотите. Но я действительно должна идти.

Я развернулась. До двери — четыре шага. Я считала. Раз. Два. Три. На четвёртом услышала:

— Белова.

Я на секунду замерла. Только на секунду.

Не обернулась. Толкнула дверь и вышла.

Коридор. Лестница. Вестибюль. Вертушка на проходной. Улица. Воздух — сырой, апрельский, пах бензином и мокрым асфальтом. Я вдохнула так глубоко, что закололо в груди, и только тогда достала телефон.

Пропущенные от воспитательницы. Одно сообщение: «Юлия Дмитриевна, Ярослав плачет. Пожалуйста, заберите как можно скорее».

Я набрала номер. Пальцы не слушались — попала только с третьего раза.

— Ирина Павловна, я еду. Скоро буду. Я уже...

Экран мигнул. Ещё один входящий звонок. Номер незнакомый. Я замерла. Мошенники?

Воспитательница что-то говорила в трубке, а я смотрела на мигающий экран и понимала только одно: это не мошенники. Объяснить не могла, но чувствовала — это он. Нашёл мой номер в личном деле. За десять минут.

Может, он всё-таки меня узнал?

Какая теперь разница.

Я сбросила вызов.

Телефон замолчал. Потом экран вспыхнул снова — тот же номер.

Я сжала трубку и побежала к такси.

Глава 3

Самое страшное в панике — не она сама, а момент, когда она отпускает.

Такси пахло ёлочным ароматизатором, который болтался на зеркале заднего вида и бил по стеклу на каждой кочке. Сладкий, приторный, химический. Я вжималась в сиденье и пыталась дышать ртом, но на языке всё равно оставался привкус и от этого мутило.

Телефон дёрнулся. Тот же номер. Я отклонила вызов, и экран погас с коротким всхлипом вибрации.

Руки тряслись. Мелко и противно. Живот сводило от страха за Ярика. Я обхватила себя руками, согнулась — водитель покосился в зеркало, но промолчал.

Такая температура у шестилетнего ребёнка, который сейчас лежит на казённой простыне и зовёт маму.

Я сжала телефон. Экран погас.

— Побыстрее, пожалуйста.

Голос сел. Водитель глянул в зеркало, прибавил газу.

Я закрыла глаза. За веками стоял Гордеев — закатанные рукава, вена у запястья, стакан воды без газа.

Телефон дёрнулся в руке. Я выключила его.

Ярик сидел на кроватке в раздевалке — воспитательница вывела его из группы, чтобы другие дети не заразились. Щёки горели красным, чёлка прилипла ко лбу. Динозавр — зелёный, с оторванным хвостом — был зажат в кулаке так крепко, будто от этого зависела жизнь.

— Мама...

Одно слово, размытое жаром. Я подхватила его на руки, и он уткнулся мне в шею — мокрый, горячий, тяжёлый. Шесть лет — это уже не младенец. Шесть лет — это длинные ноги, которые болтаются у моих бёдер, и лопатки, которые чувствуешь ладонями сквозь футболку.

— Я здесь, маленький. Я здесь.

Он пах апельсиновым сиропом от температуры и детским шампунем. Я вдохнула этот запах — и внутри всё сжалось. Вот мой мир. Вот всё, что у меня есть. Весь — в двадцати трёх килограммах, которые оттягивали мне руки.

Домой. Скорее домой.

Ночь тянулась бесконечно.

Я мерила температуру каждые двадцать. Сироп. Обтирание. Снова сироп. Ярик метался, скидывал одеяло, звал меня даже во сне — и я сидела рядом на полу, привалившись спиной к его кроватке, и держала его за руку. Маленькие пальцы сжимали мои — цепко, доверчиво, до белых костяшек.

В два часа ночи температура поползла вниз. Тридцать семь и четыре. Я выдохнула так резко, что закружилась голова, и несколько секунд просто сидела, уставившись в потолок.

Потом посмотрела на сына.

Он спал. Ресницы подрагивали. Губы были приоткрыты, и в тусклом свете ночника я видела...

Излом бровей. Линия подбородка — упрямая, с ямочкой, которой у меня никогда не было. Вертикальная складочка у губ, которая появлялась, когда Ярик злился или сосредоточенно собирал лего.

Его отец. В каждой черте — его отец.

Я провела пальцем по горячему виску сына, убрала мокрую прядь. Ирония в том, что я могу сбежать из кабинета босса. Могу не отвечать на звонки. Но я не могу сбежать от этого лица.

А потом — как ведро ледяной воды — пришло остальное.

Ипотека. Кредит за стиральную машину. Садик. Лекарства. Ботинки, из которых Ярик вырастает каждые два месяца.

И я сегодня — нахамила генеральному директору. Развернулась и ушла.

Я уронила голову на край кровати. Лоб упёрся в деревянный бортик. Господи. Что я наделала. Меня уволят. Уволят с такой характеристикой, что ни одна логистическая компания не возьмёт. Гордеев — не тот человек, который прощает. Я знала это и семь лет назад. Он не прощал даже мелочей. А это — не мелочь. Это неповиновение в первый рабочий день нового руководства.

Ярик вздохнул во сне, перевернулся на бок. Динозавр выпал из кулака.

Я подобрала игрушку, подоткнула ему под руку и достала телефон. Включила. Три пропущенных с незнакомого номера. Ни одного сообщения.

Набрала Жанну. Гудки тянулись долго. Потом — сонный, хриплый голос сестры:

— Юль, третий час ночи...

— Жан, мне нужна помощь. Ярик заболел. Мне завтра надо на работу. Обязательно.

Пауза.

— Юля, ты плачешь?

— Нет, — соврала я. — Можешь приехать к семи?

— Приеду к шести тридцати, — сказала Жанна и повесила трубку.

Утро встретило меня тошнотой, гулом в висках и лицом в зеркале, на которое хотелось набросить полотенце.

Я натянула чистую блузку, застегнула пуговицы негнувшимися пальцами. Тональный крем лёг поверх синяков под глазами: вроде держится. Тушь. Каблуки. Пальто.

Жанна уже сидела на кухне с кружкой чая. Ярик спал — температура к утру была тридцать шесть и девять. Я поцеловала обоих в макушки и вышла.

В автобусе привалилась виском к стеклу и закрыла глаза. Мысли шли по кругу: что скажу. Как скажу. Объяснительная. Извинения. Планы реорганизации. Я мысленно складывала вещи в коробку — кружку, степлер, фотографию Ярика, которая стояла на углу стола. Кстати, её уж точно надо убрать. Репетировала фразы. «Александр Михайлович, прошу извинить мою вчерашнюю несдержанность». Жалкие. Гладкие. Правильные. Такие фразы, от которых тошнит ещё сильнее, чем от недосыпа.

Здание компании проступило сквозь утренний туман. Серое, бетонное, похожее на коробку из-под обуви, поставленную на торец. Я вышла из автобуса.

Турникет. Пропуск. Достала карточку и несколько секунд просто стояла, сжимая пластик. Если он окажется заблокирован — всё кончено. Значит, решение уже принято, и мне остаётся только развернуться и ехать домой, к спящему Ярику и перепуганной Жанне, и придумывать, как платить ипотеку без зарплаты.

Вдохнула и приложила карточку.

Зелёный.

Турникет щёлкнул и пропустил.

Выдохнула.

Коридор. Лестница. Третий этаж. Отдел оперативной логистики. Я шла и чувствовала каждый шов на туфлях — левая натирала пятку, и эта маленькая тупая боль почему-то помогала.

В отделе было тихо.

Оля подняла голову от монитора, увидела меня — и глаза у неё стали круглыми. Она шевельнула губами.

Я прочитала: «Он здесь».

Мой кабинет. Маленький, заваленный папками, с окном, выходящим на парковку. Моё убежище. Моя территория.

Остановилась у двери. Ручка была ледяной. Я сжала её и толкнула.

Гордеев сидел в моём кресле.

Глава 4

Ноги вытянуты, пиджак расстёгнут.

Меня охватил ужас, когда я увидела рамку с фотографией сына прямо напротив него. Но он смотрел не туда — смотрел на меня. И я отчаянно надеялась, что фотографию он не заметил.

Время остановилось.

— Ко мне в кабинет, — сказал он тихо.

Встал и пошёл первым.

Я следом.

Вошла. Закрыла дверь. Спина упёрлась в створку. Ноги не держали.

Гордеев вытащил из внутреннего кармана сложенный лист и бросил между нами.

— Ваше заявление об увольнении — не принято.

— Я не писала заявления.

— Именно. — Он чуть наклонил голову. — И не напишете. Пункт 9.4 контракта о поглощении. Ключевые сотрудники обязаны отработать переходный период. Досрочное расторжение — неустойка в размере двухсот процентов годового оклада.

У меня зазвенело в ушах. Двести процентов. Даже думать не хотелось, что это за сумма.

Он встал. Обошёл стол. Остановился передо мной — так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь рубашку. Снизу вверх я видела расстёгнутый ворот, ключицы, кадык. И глаза — серые.

— Ты правда думала, — он произнёс это почти шёпотом, — что я позволю тебе снова вот так просто уйти?

Его голос прошёл сквозь меня — от затылка до пяток, оставляя шлейф из мурашек.

Я стояла, вжавшись лопатками в дверь. В кабинете горел только маленький светильник, и его жёлтый свет падал на паркет полосами. Парфюм Гордеева — горький, древесный, тот же самый, что и раньше, — забивал лёгкие, и я дышала им, как дышат дымом на пожаре: понимая, что убивает, и не в силах остановиться.

Я подняла подбородок.

— Ты купил целый холдинг, чтобы не позволить мне уйти? — Голос зазвенел. Злость звучала убедительнее здравого смысла. Конечно, он бы не стал ради меня ничего покупать, но мне очень хотелось его уколоть. — Скажи, Гордеев, это бизнес-стратегия такая? Поглощение компании ради уязвлённого эго?

Его зрачки дрогнули. На долю секунды — но я поймала. В тишине отчётливо щёлкнули часы на стене.

А потом он отступил. Один шаг. Воздух хлынул в грудь, и я разозлилась на себя за то, как жадно его втянула.

Гордеев обошёл стол. Медленно, ссутулив плечи, будто раздумывая. Провёл пальцами по краю столешницы и сел на угол. Одна нога на полу, вторая покачивается. Жест абсолютного владения — как флаг на захваченной крепости.

— Я понятия не имел, что ты здесь работаешь. «Транс-Логистик» купили из-за маршрутной сети на северо-западе. Не из-за тебя. — Пауза. Он посмотрел на свои пальцы, потом снова на меня. — А если бы и знал — какое это имеет значение?

Я стиснула край жакета. Костяшки побелели.

— Никакого. Абсолютно никакого. — сказала я.

Босс смотрел пристально, а потом отвернулся, и я заметила, как дёрнулся его кадык.

— К делу. Северное направление. Мурманск, Архангельск, Воркута. Убытки за полтора года огромны. Маршруты не оптимизированы, тарифы ниже рынка.

— Я в курсе.

— Ты — в курсе, — повторил он с интонацией, от которой хотелось швырнуть в него степлером. — И тем не менее ничего не изменилось.

— Потому что решения принимала не я. Мой отдел тянул эту логику на энтузиазме, пока наверху кроили бюджет. Не надо мне рассказывать про убытки — я знаю о них больше любого аудитора.

Тень от ресниц упала ему на скулу. Я разозлилась, что заметила.

— Прекрасно. Раз ты эксперт — готовь полную реструктуризацию северного направления. Маршруты, тарифы, склады. Десять дней.

— Десять?! На это нужен месяц.

— У тебя десять. Если результат меня не устроит — я сокращаю отдел. Целиком.

— Двадцать шесть человек. У Морозова трое детей. У Тани мать после инсульта. Ты их в лицо не знаешь.

— И не собираюсь. Меня интересуют цифры. Людьюми здесь занимаешься ты. Поэтому я бы на твоём месте перестал тратить время на праведный гнев — и начал считать.

В дверь постучали.

Оля. С двумя кружками кофе. Замерла на пороге, перевела взгляд с меня на Гордеева — и побледнела.

— Юлия Дмитриевна, кофе...

Гордеев повернул голову. Медленно. Ольга вжала плечи, попятилась, поставила кружки на тумбочку у двери и исчезла.

Белые кружки, одна — с надколотым краем. Оля принесла кофе, потому что волновалась. Она просто хотела проверить, что тут происходит.

Гордеев тоже смотрел на кружки. Что-то мелькнуло в его лице и оно потемнело.

— Трогательно. У тебя тут целый фан-клуб.

— У меня тут люди, которые мне доверяют. — Я подошла к тумбочке, взяла кружку и сделала глоток. Кофе обжёг язык, но я не поморщилась. — Тебе это понятие незнакомо.

Его челюсть окаменела. Он качнул головой и двинулся к двери.

Я выдохнула. Рано.

У порога он остановился. Не обернулся. Спина, напряжённые плечи, рука на дверной ручке.

— С сегодняшнего дня твой отдел переходит под моё прямое управление.

Пальцы соскользнули. Кофе плеснул на стол, тёмная лужица расплзлась по бумагам.

— Что?

— Реструктуризация. Мне нужен контроль. — Он повернул голову вполборота. Линия скулы. Опущенные ресницы. Уголок губ, который я когда-то целовала. — Ты переезжаешь в кабинет напротив моего. Чтобы я мог...

Пауза. Полвдоха. Тишина между ударами сердца.

— ...проследить, что ты ничего не испортишь.

Ровный тон. Рабочий. Чужой.

Дверь закрылась. Кофе остывал. Я допила его стоя, хоть на языке было горько, потому что нужно было хоть что-то почувствовать кроме.

Потом вышла.

У своего стола остановилась. Рамка стояла там же — у монитора, чуть развёрнутая к стене. Ярик улыбался щербато, широко. Серые глаза смотрели на меня с детского лица.

Его глаза.

Рамка легла в сумку. Молния закрылась. Пальцы дрожали, но справились.

Кабинет напротив. Каждый день. Несколько метров, тонкая стена, стеклянная дверь.

Телефон завибрировал. Сообщение: «Ярик скучает, но мы справляемся».

Я набрала ответ, отправила сердечко.

А потом кожа загорелась. Подняла глаза — он стоял напротив и пристально смотрел.

Глава 5

Пальцы ещё сжимали молнию сумки, а Гордеев уже был совсем рядом. Заполнил собой пространство, забрал воздух, перекрыл свет от окна. Взгляд скользнул по моим рукам, по сумке, по столу, где минуту назад стояла рамка. Я задвинула сумку бедром — машинально, как зверь прикрывает нору телом при появлении опасности. Кожа на затылке стянулась.

Заметил?

Секунда. Две. Он молчал. Я считала его вдохи — по движению грудной клетки под рубашкой — и ненавидела себя за то, что помнила, как считать.

— Юлия... Дмитриевна, почему вы ещё не собираете вещи?

Голос ровный. Рабочий. Про фотографию — ни слова. Может, не увидел. Хоть бы.

— Жду в кабинете напротив. Со всей документацией по северному направлению.

Развернулся. Ушёл.

Я выдохнула и села.

Переезд занял сорок минут. Сорок минут унижения, растянутого до прозрачности.

Я носила папки, монитор, органайзер с ручками. Оля дёрнулась помочь — я видела, как она привстала, уже протянула руку к стопке документов. И замерла. Потому что Гордеев появился в дверях своего кабинета и посмотрел на неё недобро. Стоял, прислонившись плечом к косяку, и пил кофе из белой кружки.

Оля села обратно. Никто больше не поднялся.

Я не злилась на них. Я злилась на себя — за то, что щёки горели, за то, что руки дрожали, за то, что каждый раз, проходя мимо него с очередной стопкой, я чувствовала его взгляд физически. Он ложился на затылок, сползал между лопатками, задерживался на пояснице. Я чувствовала себя бабочкой, которую уже приколотили булавкой к бархату, но забыли сообщить, что она мертва.

Новый кабинет оказался аквариумом.

Стеклянная перегородка отделяла меня от коридора — и от его кабинета напротив. Жалюзи были подняты. Я видела его стол, его кресло, руки на клавиатуре. И он видел меня. Целиком. Всегда.

Я расставила папки. Включила компьютер. Положила ладони на стол — холодный, чужой, пахнущий полиролью — и заставила себя дышать. Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть. Ярик научил — он дышал так, когда боялся грозы, и я дышала с ним, обнимая, пока молнии поло-совали небо за окном.

Ярик. Маленький. Горячий лоб, динозавр с оторванным хвостом. Всё ради него.

Я открыла сумку, достала косметичку. Помада — тёмно-красная, та самая, которую я не использовала на работе, потому что в логистике красная помада — как каблучки на складе: бессмысленно и вызывающе. Но сейчас мне нужно было оружие. Любое.

Провела по губам — медленно, глядя в тёмный экран монитора, как в зеркало. Потом вытащила шпильки. Волосы упали на плечи, и я тряхнула головой — жест, которого Гордеев не мог выносить. Семь лет назад он перехватывал мои волосы в кулак и говорил: «Не делай так, если не хочешь, чтобы я...» — и дальше шёпотом, на ухо, такое, от чего у меня подкашивались ноги.

Сейчас пусть смотрит. Пусть знает, что я не сломалась. И по-прежнему могу тряхнуть головой.

Он замер. Кружка с кофе остановилась на полпути ко рту. Секунду, может две — он смотрел на мои волосы. На плечи. На то, как прядь скользнула по вороту блузки.

Кадык дёрнулся. Пальцы на кружке напряглись.

Потом отпил кофе. Поставил кружку.

Вот так.

Я села за стол, открыла файл по северному направлению и начала работать. Спина прямая. Плечи развёрнуты. Взгляд — в монитор. Его кабинет напротив — на периферии зрения, размытым пятном.

Стекло между нами было тонким. Но я превращала его в бетон — усилием воли, сантиметр за сантиметром.

Денис Морозов появился через полтора часа — когда я уже утонула в таблицах и почти забыла, что за мной наблюдают.

Стук в стеклянную дверь. Я подняла голову. Денис — широкоплечий, в расстёгнутой спецовке поверх клетчатой рубашки. Путевые листы в одной руке, картонный стаканчик с кофе — в другой. Улыбка — открытая, простая, как рукопожатие.

— Юлия Дмитриевна, это вам. И вот путёвки за вторник — подпишите, пожалуйста.

Он вошёл, поставил стаканчик на край моего стола, оперся ладонью на спинку кресла. Привычный жест — Денис всегда так делал, когда заходил. Я чувствовала тепло его руки за плечом и знала, что это ничего не значит. Просто человек. Просто кофе.

— Спасибо, Дэн. — Я улыбнулась. Впервые за два дня по-настоящему. Мышцы лица свело от непривычки, но улыбка вышла живая. — Вы спасли мне утро.

— Да ладно. — Он почесал затылок. — Вы тут как? Ребята говорят, новый босс — зверь. Я открыла рот — и наткнулась на взгляд.

Через стекло. Гордеев сидел за столом, и карандаш в его пальцах замерл на полуслове. Он смотрел не на документы. Он смотрел на ладонь Дениса, лежавшую на спинке моего кресла.

Потом перевёл глаза на мои губы. На красную помаду.

И медленно встал.

Я выпрямилась. Улыбка исчезла. Денис, не видевший ничего — его спина была к перегородке, — продолжал говорить что-то про маршрут на Вологду. Я кивала, но звук выключился, как в сломанном телевизоре. Был только Гордеев, который шёл к моей двери — размеренно, руки в карманах, подбородок опущен. Так ходят люди, которые уже приняли решение.

Дверь открылась без стука.

— Уважаемый, — произнёс он.

Денис обернулся. Рука соскользнула с кресла. Он побледнел — крупный мужик, водитель-дальнобойщик, который перегонял фуры, побледнел от одного слова.

— Путевые листы сдаются через канцелярию. Не через кабинет начальника отдела. И уж точно не в комплекте с кофе. — Гордеев говорил тихо. — Вы свободны.

Денис выскользнул. Дверь закрылась.

Гордеев опустил жалюзи.

Пластинки поехали вниз — одна за другой, с мягким щелчком, отсекая коридор, Олю, весь остальной мир. Свет в кабинете стал полосатым.

Он подошёл к моему столу. Остановился сбоку. Положил пальцы на столешницу — в сантиметре от моей руки. Я видела его запястье, манжету, вену под кожей. Парфюм накрыл с головой — горький, древесный, тот самый. Лёгкие отказывались работать.

— Юлия Дмитриевна.

Я подняла голову. Он стоял так близко, что я видела крошечный шрам на скуле — от давнего пореза бритвой, который я когда-то заклеивала пластырем, смеясь.

— Раз у тебя хватает времени на улыбки и кофе, — он наклонился, голос снизился до вибрации, которую я ощутила рёбрами, — значит, тебе мало работы.

Он положил передо мной папку. Толстую, бордовую, с грифом «Тендер №47/НМ — Архангельская область».

— Полный пересчёт. Логистика, тарифная сетка, обоснование для совета директоров. Завтра. Восемь ноль-ноль.

— Это невозможно.

— Это твоя проблема.

Он не отодвинулся. Стоял, нависая, — и я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань своей блузки. Сердце билось в горле, в запястьях, в кончиках пальцев, которые лежали на столе в сантиметре от его руки.

— И ещё. — Он опустил взгляд. На мои губы. На красную помаду. Задержался — на секунду дольше, чем позволял любой трудовой кодекс. — Твои улыбки в рабочее время обходятся дорого. Этот тендер должен лежать у меня на столе к восьми. Иначе твой обаятельный экспедитор пойдёт искать маршруты на бирже труда.

Воздух между нами загустел. Я чувствовала его дыхание — на лбу, на виске, на волосах. Если бы я подалась вперёд — на полсантиметра, — мои губы коснулись бы его подбородка.

Я не подалась.

Он отстранился резко. Развернулся. Вышел.

Жалюзи покачивались. Полосатый свет полз по папке с тендером, по моим рукам, по кофе, который оставил Денис.

Я сидела, вцепившись в край стола, и папка перед глазами расплывалась. Я моргнула, взяла её, открыла.

Двести сорок страниц.

До восьми утра.

Телефон в кармане молчал. Ярик спал у Жанны. Ярик с серыми глазами и складочкой у губ.

А по ту сторону жалюзи сидел его отец — и ломал третий карандаш за день.

Глава 6

Офис вымирал слоями — сначала ушли курьеры, потом бухгалтерия, потом охранник на первом этаже переключил свет в коридорах на ночной режим, и мир за стеклянной перегородкой стал синим и пустым.

Я осталась.

Двести сорок страниц документации лежали передо мной, и каждая цифра на каждой странице требовала пересчёта. Тарифная сетка, логистическое плечо, себестоимость тонно-километра по зимнику. Калькулятор. Таблица. Снова калькулятор. Пальцы стучали по клавишам, глаза горели от монитора, а в голове билось одно — к восьми. К восьми. К восьми.

Телефон лежал рядом, экраном вверх.

«Уснул. 37,2. Просил почитать ему книжку, я прочитала, и он сказал, что я читаю лучше тебя. Ха-ха».

Я улыбнулась. Горло перехватило. Набрала ответ — «Спасибо, Жанна. Я тут зашиваюсь». Вдохнула. Как же тепло сейчас дома, рядом с сыночком. А я буду здесь, в стеклянном аквариуме, где пахнет остывшим кофе и полиролью, и буду считать тарифы по Архангельской области, пока за окном не побелеет небо.

К полуночи я сняла туфли. Босые ступни на холодном полу — мелочь, но от неё стало легче, будто тело наконец получило право быть уставшим.

К часу ночи кофе перестал помогать. Четвёртая кружка стояла недопитой, с коричневым кольцом на стенке. Я тёрла глаза, и тушь размазывалась по пальцам. Потом машинально провела тыльной стороной ладони по губам — красная помада осталась на коже грязным следом. Я посмотрела на размазанный контур, и вспомнила, зачем красила губы утром. Оружие. Сейчас оружие выглядело жалко.

Стёрла остатки помады салфеткой. Бросила её в корзину.

Встала, чтобы размяться. Ноги затекли, и первые шаги по кабинету давались с трудом — колени разгибались со скрипом, будто мне не двадцать семь, а все шестьдесят. Вышла в коридор.

Ночной офис был другим — гулким, огромным, с тенями, которые шевелились от аварийных ламп. Кулер булькнул, когда я набирала воду, и звук разлетелся по этажу. Я пила, привалившись к стене, и смотрела вдоль коридора.

Тонкая полоска света — из-под двери кабинета Гордеева. Жёлтая, ровная. Настольная лампа. Жалюзи он опустил ещё вечером, плотно, до упора — поэтому я и не заметила, что он тоже остался.

Час ночи. Зачем он здесь?

Я замерла со стаканом у губ. Полоска света качнулась — тень прошла по ней и исчезла. Должно быть, он встал, прошёлся по кабинету и снова сел. Или направился к окну. Или к стеклянной перегородке, через которую виден мой аквариум с горящим монитором.

Кожу на затылке обдало жаром. Я отступила — быстро, бесшумно — и вернулась к себе. Закрыла дверь. Пальцы на стакане побелели.

Мог остаться из-за меня? Нет. И нечего придумывать.

Я села за стол. Цифры плыли. Моргнула, сфокусировалась на строке «Маршрут номер семнадцать, Архангельск — Воркута, зимник, ноябрь-март» — и вдруг увидела дождь.

Ресторан на Пятницкой. Фонарь. Мокрый асфальт, в котором отражался неоновый контур вывески. Я стояла у входа и сжимала в кармане пальто тест — белый пластиковый корпус, две полоски, от которых мир перевернулся три часа назад.

Я верила, что он позвал меня сюда, чтобы сделать предложение. Дура. Счастливая, бесполовая, двадцатилетняя дура, которая купила платье в кредит и закрутила волосы специально для этой встречи.

Я тряхнула головой. Строка «Маршрут номер семнадцать» вернулась в фокус. Зимник. Тонно-километр. Надбавка за сезонность — двадцать два процента.

Пальцы снова застучали по клавишам.

Телефон дёрнулся.

«37,4. Ворочается. Положила под подушку салфетку с каплей валерьянки».

Ярик. Мокрая чёлка, горящие щёчки. Динозавр с оторванным хвостом. Как же я его люблю! Мне захотелось встать, вызвать такси и ехать — к нему, к его горячему лбу, к пальчикам, которые цепляются за мою руку во сне. Живот скрутило от этого желания, от невозможности разорваться.

Конечно, я осталась. Столько людей в офисе. Морозов с тремя детьми. Таня с матерью после инсульта. Все они завтра утром придут на работу и не будут знать, что их судьба лежала в папке с тендером на моём столе.

Два часа ночи. Я пересчитывала складские мощности в Северодвинске, когда цифры снова расплылись.

Он появился из темноты — бледный, с залёгшими тенями под глазами. Я шагнула навстречу, потянувшись поцеловать, но он отстранился.

— Сядем внутри.

Мы не сели. Он заговорил прямо там, у входа, под козырьком, с которого текло. Отец передал ему холдинг. На нём ответственность. Он должен.

Каждое слово било наповал.

— Я больше не могу отвлекаться на интрижки.

Интрижки. Множественное число — будто я была одной из многих.

Дождь усилился. Я стояла, и платье, купленное в кредит, намокало. А он шагнул ближе и раскрыл зонт над моей головой. Чёрный, большой. Хотя, может, он и не был чёрным — просто в тот день мне всё запомнилось в этом цвете. Дождь забарабанил по ткани, и капли перестали попадать мне в лицо. Он держал зонт, вытянув руку так, чтобы я оказалась под ним целиком. Сам стоял под ливнем. Рубашка темнела пятнами на плечах, вода стекала по виску.

Человек, который только что называл меня интрижкой, прикрывал меня от дождя.

Я оттолкнула зонт. Спицы лязгнули.

— Найдёшь кого-нибудь подходящего, — сказал он чужим голосом. Но кадык дрожал, и он отвернулся, чтобы я этого не увидела. — Кого-нибудь из своей лиги.

Из своей лиги. Я тогда задыхнулась от обиды и решила: он считает меня ниже себя. Мелкой. Случайной. Сейчас, семь лет спустя, сидя в пустом офисе в час ночи, я вдруг подумала — а что, если он имел в виду другое? Что, если «из своей лиги» означало «кого-нибудь лучше меня»?

Нет. Нет. Сестра говорит, я всегда такая — пытаюсь кого-то оправдать. Придумываю мотивы, которых нет. Хватит.

Тест лежал в моём кармане. Две полоски. Целая жизнь, о которой он так и не узнал.

Потому что человек, назвавший нашу любовь интрижкой, не заслуживал знать.

Я развернулась и ушла. Каблуки стучали по мокрому асфальту. Раз. Два. Три.

Он не окликнул.

Я обнаружила, что грызу колпачок ручки. Во рту был привкус пластика и горечи. Монитор мерцал. Три часа двенадцать минут. Ох, как же устала.

К пяти утра небо за окном стало серым. Я дописала обоснование для совета директоров, проверила формулы, выровняла таблицы. Руки тряслись. Прижала их к столу и держала, пока не перестали.

К шести тридцати — распечатала. Двести сорок страниц легли в папку ровной стопкой. Корешок. Скрепки. Всё.

Подошла к стеклянной перегородке. В тусклом отражении на меня смотрела женщина с серым лицом, тёмными кругами под глазами и растрёпанными волосами. Бледные губы, след от размазанной помады на подбородке, о котором я совсем забыла.

Достала косметичку. Тональный крем — тонким слоем, руки дрожали. Тушь — пришлось опереться локтем о стол, чтобы не промахнуться. Волосы распустила, тряхнула головой.

Потянулась за помадой. Красной.

Провела по губам. Медленно. Как вчера утром, когда надевала доспехи.

Он хотел увидеть меня раздавленной. Увидит другое.

Без трёх минут восемь я стояла в коридоре. Папка в руках, спина прямая, туфли — те, что натирали пятку, но сейчас боль помогала. Дверь в его кабинет — за поворотом. Наверняка уехал. Кто сидит в офисе до утра.

Свернула за угол — и жёлтая полоска под дверью. Не погасла.

Он здесь.

Постучала.

— Войдите.

Я вошла. Положила папку на стол — точно перед ним. Бордовый картон на чёрном стекле.

— Тендер номер сорок семь. Полный пересчёт. Логистика, тарифная сетка, обоснование.

Он посмотрел на меня. На волосы. На губы. Этот взгляд ощущался кожей — как ток, тонкий и точный. Зрачки его чуть расширились. Я поймала это, потому что знала его лицо наизусть. Потом опустил глаза к папке.

Открыл. Первая страница. Вторая. Пятая. Пальцы листали быстро, цепко — я видела, как он сканировал строки, как взгляд бежал по таблицам, как искал. Ошибку. Просчёт. Хоть что-нибудь.

Гордеев остановился на странице где-то в середине.

Палец задержался на строке. Секунда. Две.

Перевернул страницу. Молча.

Я выдохнула.

Он закрыл папку. Откинулся в кресле.

Потом потянулся к селектору. Палец завис над кнопкой. Взгляд хищный — снова прошёл по волосам, по алым губам, задержался на расстёгнутой верхней пуговице блузки.

Нажал.

— Тамара Геннадьевна. Зайдите.

Через минуту в дверях появилась Тамара из кадров — с блокнотом, в очках на кончике носа.

— С сегодняшнего дня в отделе логистики вводится корпоративный дресс-код. — Голос ровный. Он смотрел не на Тамару — на меня. — Волосы собраны. Макияж нейтральный. Каблуки — не выше четырёх сантиметров.

Тамара записывала. Ручка скрипела по бумаге.

— И передайте Беловой, — он чуть подался вперёд, — что мы здесь работаем. А не продаёмся.

Глава 7

Тамара дёрнулась. Ручка чиркнула вкось, оставила на бумаге кривую черту. Она вскинула на Гордеева глаза — круглые, застывшие, — и тут же опустила обратно к блокноту. Щёки её пошли пятнами. Пальцы сжали ручку так, что побелели костяшки.

Он закончил диктовать и замолчал. Тамара прижала блокнот к груди. У двери задержалась — обернулась. Взгляд скользнул по мне коротко, виновато, как смотрят на тех, кому уже не помочь. Губы дрогнули, будто хотела что-то сказать. Не сказала. Дверь закрылась.

Гордеев встал. Обошёл стол. Остановился передо мной — так близко, что я чувствовала его дыхание на лбу. Я смотрела в узел его галстука — тёмно-синий, идеально затянутый. Поднять глаза не могла. Сердце колотилось в горле.

Он наклонился к моему уху. Волосы у виска шевельнулись от его дыхания.

— Всё. Свободна.

Я кивнула. Кажется, кивнула. Развернулась слишком резко — плечо мазнуло по его пиджаку. Дошла до двери. Ручка показалась холодной до ломоты в пальцах.

Вышла.

Коридор. Стеклянная перегородка. Мой аквариум.

Зашла, закрыла дверь. Села. Положила ладони на стол — унять дрожь.

Веки горели. Я просидела здесь, в этом кресле, до утра. Перед глазами плыло.

А он знает. И всё равно издевается.

Прижала пальцы к вискам. В голове гудело.

А теперь ещё и помада. Он отобрал у меня оружие. Яркие губы, волосы, право выглядеть броско. Потому что подействовало. Потому что его глаза загорелись, и он это ненавидел.

Но хуже всего — сделал это при Тамаре. При секретарше, которая завтра разнесёт по этажу: Белову поставили на место. Унизили.

Да за что?

Я перебирала в памяти наше прошлое. Что бы ни вспоминала — везде видела его вину. Это он бросил меня когда-то ради лучшего будущего. Он, а не я.

А ведёт себя так, будто это я ему что-то задолжала.

Руки снова задрожали. Я сжала их в кулаки.

Телефон завибрировал. Жанна.

«36,6! Ест кашу. Спрашивает, когда мама придёт».

Я прижала телефон ко лбу. Экран охлаждал кожу. Дышала через нос — медленно, считая до четырёх. Потом ещё раз.

Семь лет назад я ушла от Гордеева под дождём. Без зонта и с тестом в кармане. Две полоски. Пообещала себе тогда: справлюсь одна.

Справилась.

Вырастила сына. Выстроила карьеру с нуля — от ассистента, варящего кофе, до руководителя отдела. Научилась чинить кран, собирать мебель по инструкциям, засыпать без снотворного. Платить за садик, за репетитора, за английский. За всё.

Без него.

Я опустила телефон на колени. Подняла глаза.

Он сидел за стеклом — в нескольких метрах от меня. Перед ним лежала закрытая папка. Мой тендер. Безупречный, выверенный до запятой — я знала это. Ни единой ошибки. Ни одного повода меня уничтожить.

И он ломал уже четвёртый карандаш.

Щепка отлетела в сторону, ударилась о стекло. Гордеев даже не моргнул. Положил обломки рядом с тремя предыдущими — ровно, как солдатиков. Взял пятый.

Значит, бесится.

Я улыбнулась — углом рта, чтобы он не заметил. Впервые за утро.

Александр Гордеев

Я знал её наизусть — каждый жест, каждый дрогнувший мускул, — и именно это убивало.

Час ночи. Свет в её закутке горел ровным прямоугольником, а я сидел в темноте напротив, в собственном кабинете, и ждал. Жалюзи я опустил вечером. Демонстративно. До упора, плотно, пластинка к пластинке. Чтобы она думала, будто я уехал или мне не интересно.

Я подходил к перегородке каждые пятнадцать минут. Раздвигал пальцами две пластинки — узкая щель, ровно на ширину глаза, — и смотрел. Иногда дольше. Иногда — пока не затекала рука. Потом отпускал, и пластинки смыкались, а я возвращался к своему столу и снова ждал.

Через десять минут вставал снова.

И наблюдал.

Туфли — сброшены под стол. Я видел только одну — лежащую набок на тёмном полу. Вторая, наверное, валялась где-то рядом.

Босая. Она сидела босая в моём офисе, и от этой мелочи у меня сводило челюсти так, что зубы скрипели.

Юля тёрла шею. Запрокидывала голову, прижимала ладонь к затылку, разминала пальцами позвонки — и я знал каждое её движение наперёд, потому что семь лет назад делал это сам. Своими руками. После того как она засыпала на учебниках, я подходил со спины и разминал ей плечи, и она постанывала от удовольствия, а я наклонялся и целовал её в висок, вдыхал аромат.

Сейчас она тёрла шею сама.

Карандаш в моих пальцах хрустнул. Я даже не заметил, как сжал его. Грифель крошкой посыпался на стол. Я запустил его в ведро.

Телефон в её руке вспыхнул.

Она схватила его — рывком, жадно, — и пальцы забегали по экрану. Губы шевельнулись. Улыбнулась. Я подался вперёд, упёрся локтями в стеллаж так, что заболели предплечья. Кому? Кому она пишет в час ночи?

Тому экспедитору. Морозову. С его широкими плечами, открытой улыбкой и рукой, которая лежала на спинке её кресла?

Или есть кто-то ещё?

Желудок свело. Горло — тоже. Я представил, как он сейчас лежит у себя дома, в трусах, на кровати, и читает её сообщения. Может, она пишет ему про меня. Жалуется. «Босс — тиран». А он отвечает ей дурацким сердечком. И она улыбается этой глупости. Босиком, с распущенными волосами, в моём офисе.

Я встал. Шагнул к перегородке. Остановился — потому что одно движение, один шаг в её сторону, и я не смогу остановиться. Зайду туда. Вырву у неё телефон. Швырну его об стену. Сгребу её за волосы, которыми она так любит трясти, — и усажу к себе на колени, и пусть пишет своему Морозову оттуда, если посмеет.

Интересно, если затащить её в постель — пройдёт?

Если один раз. Жёстко. Так, чтобы она потом неделю не могла собрать мысли в кучу — пройдёт эта дрянь, которая сидит у меня под рёбрами семь лет? Выйдет с потом, с криком, с её ногтями у меня на спине — и отпустит?

Я представил. На секунду. На полсекунды. Её — на этом столе. С распущенными волосами. Без одежды. С красной помадой, размазанной мной по её подбородку. Размазанной ртом, зубами, языком.

В паху потяжелело.

Я отвернулся.

Сел обратно. Сжал переносицу. Выдохнул сквозь зубы.

Семь лет. Семь лет я выстраивал себя по кирпичу. По миллиметру. Учился, подписывал контракты, ломал конкурентов через колено, и каждый раз, когда что-то внутри меня скулило — позвони ей, позвони, — я открывал сейф.

В сейфе — папка.

Тонкая. Серая. С чернильным грифом — рукой отца, его аккуратным инженерным почерком — «Юлия Белова».

А то, что хранилось внутри, — решило всю мою дальнейшую жизнь.

Глава 8

Внутри — фотографии. Юля в кафе, смеётся, и рука однокурсника лежит у неё на бедре. Дальше — выписки со счёта. Поступления — крупные, ровные, подозрительно ровные. От «частных лиц». Отец тогда не хотел меня добивать, поэтому долго молчал, прежде чем рассказать всё до конца. Юля продавала себя за деньги одному из партнёров отца. Именно поэтому всё и выяснилось.

Дальше. Однокурсник, которого я считал её другом. Он рассказывал, как Юля смеялась над моей наивностью. Как говорила, что я — её «лотерейный билет».

Я тогда дочитал до этого места, закрыл папку и заперся в ванной. Сидел на холодном кафеле и выл — беззвучно, в кулак, чтобы отец за стеной не услышал.

Это всё собрал отец.

А Юля... Юля исчезла. После разговора под дождём — где я, давясь собственным языком, говорил ей про «интрижку» и «долг», прикрывая правду, потому что не мог в лицо сказать девушке, которую любил, я знаю, что ты себя продаёшь, — после этого разговора она просто пропала.

Тогда я закрыл папку и научился ненавидеть. Ненависть оказалась проще любви. Она грела иначе — сухо, чисто, без сквозняков. Каждый раз, когда хотелось набрать её номер, я открывал сейф, листал фотографии — и желание гасло.

Семь лет.

А сейчас она сидела в десяти метрах от меня, с растрёпанными волосами, и улыбалась в телефон какому-то Морозову.

Я посмотрел на свои руки. Костяшки белые. Половинка карандаша валялась на столе.

Юля потянулась за салфеткой. Поднесла тыльную сторону ладони к губам. Стёрла помаду — медленно, устало. Красное пятно осталось на коже — грязной, размазанной полосой от запястья к костяшкам.

И вот это меня сломало.

Жест — детский, домашний, беззащитный. Так стирала макияж двадцатилетняя Юля, моя Юля, которая засыпала у меня на плече. Так стирают помаду, когда уверены, что никто не смотрит.

Я смотрел.

Вторая половинка карандаша хрустнула в кулаке. Грифель впился в ладонь, и я почувствовал острый укол — почти с облегчением. Боль возвращала меня в тело. Боль напоминала: ты — не двадцатилетний идиот. Ты — Александр Михайлович Гордеев. У тебя — холдинг, совет директоров, четыре языка и сейф с папкой. Ты её ненавидишь.

Ненавидишь. Ненавидишь. Ненавидишь.

Я повторял это, как мантру, и смотрел, как она бросает салфетку в корзину, садится, кладёт ладони на стол. Плечи — опущены.

Как же я хотел подойти и...

Лучше не стоит об этом думать.

Я закрыл глаза.

Она всё та же. Смотрит этими своими невинными глазами — и считает, сколько стоит мой костюм. Прикидывает, сколько можно с меня содрать, если правильно разыграть карту. Интересно, сколько она берёт теперь?

Желчь подкатила к горлу. Я открыл глаза.

Юля сидела, уронив лоб в ладони.

Я отвернулся.

Она — притворщица.

Повторил это вслух. Тихо. Одними губами.

Она. Притворщица.

В восемь утра Юля вошла в мой кабинет — с красной помадой, с распущенными волосами, с папкой на двести сорок страниц. Я отдал распоряжение про дресс-код, и она вышла. Пусть знает. И теперь я поднял жалюзи и через стеклянную перегородку смотрел, как она собирает волосы в тугую, безликий пучок. Шпильки в зубах. Подбородок поднят. Руки заводят пряди — раз, два, оборот. Закрепляют.

Я подавился.

Дверь распахнулась без стука.

— Сашка, ты живой? — Волков ввалился первым — расстёгнутое пальто, шарф концами наружу, кофе из кафетерия в обеих руках. — Секретарь сказала, ты ночевал здесь. Я не поверил. Я сказал: Гордеев не настолько идиот.

За ним — Давлетов. В чёрном свитере, с тенью щетины и ленивой полуулыбкой, от которой женщины в ресторанах роняли вилки.

— Гордеев — ровно настолько идиот, — Рустам бросил пальто на спинку кресла. — Если бы не был — давно бы делегировал. Что у тебя тут?

Они оба замолчали одновременно.

Потому что посмотрели через стекло.

Юля как раз закончила с пучком. Опустила руки. Провела ладонями по бокам — машинально, проверяя, лежит ли блузка ровно. Подняла глаза и увидела нас.

Спина выпрямилась. Подбородок — выше. Она отвернулась к монитору, как будто нас не существовало.

— Так, — медленно сказал Волков. — А это кто?

— Начальник отдела оперативной логистики, — я сказал это ровно. Я очень старался сказать это ровно. — Белова. Юлия Дмитриевна.

— Юлия Дмитриевна, — повторил Давлетов, и в его голосе появилась та самая интонация, которую я знал у него сто лет. Интонация охотника, который только что заметил оленя на поляне. — Какая Юлия Дмитриевна. Сашка, ты её прячешь от нас, что ли?

— Делать мне нечего.

Волков фыркнул в кофе.

Я положил ладонь на стол. Растопырил пальцы. Сосчитал до трёх.

— Рустам.

— Что — Рустам? Я ничего. Я просто говорю. — Он наклонился к стеклу, как будто это помогало рассмотреть. Она в этот момент потянулась к стопке документов, и блузка натянулась на плечах. — Слушай, а познакомишь?

— Закрой рот.

Волков поднял голову. Перевёл взгляд с меня на Давлетова. С Давлетова — на стекло. Со стекла — снова на меня.

И его лицо изменилось.

Волков знал меня очень давно. Он никогда ни о чём не спрашивал, но многое видел.

— Рустам, — сказал он спокойно, отставляя стакан. — И правда, закрой рот.

— Да я же шучу...

Давлетов осёкся. Посмотрел на Волкова. На меня. На стекло.

И что-то понял — без слов, как понимают мужики, которые сто лет друг друга знают.

— Так, — сказал он медленно. — Окей. Я ничего не говорил. Юлия Дмитриевна — невидимая. Юлии Дмитриевны не существует. — Он поднял руки ладонями вверх. — Сашка, не убивай. Я же не знал.

Я разжал челюсть. Это потребовало усилия.

— Здесь не место для флирта, — сказал я. Голос вышел ровный. Хороший голос. Гордецкий. — Это моя сотрудница. У нас тендер. Совет директоров на следующей неделе. Я не собираюсь обсуждать её... внешность.

— Не собираешься, — эхом откликнулся Волков. Он смотрел на меня очень внимательно. — Конечно, не собираешься.

— Конечно.

— Сашка.

— Что.

— Ничего. — Волков покачал стаканом. — Кофе будешь?

Я взял кофе.

Они говорили потом ещё минут двадцать — про сделку в Питере, про какие-то акции, про общего знакомого, который развёлся, — и я кивал в нужных местах, и отвечал в нужных местах, и даже один раз пошутил. А сам — сквозь стекло, краем зрения, как зверь, который не сводит глаз с дверного проёма, — смотрел на неё. На тугой пучок. На обнажившуюся шею — длинную, бледную, на большую родинку под ухом, которую я когда-то целовал в темноте.

Родинка была на месте.

Парни ушли в десять. Волков, прощаясь, задержал мою руку в своей на секунду дольше — и ничего не сказал. Давлетов на пороге обернулся, открыл рот, посмотрел на меня, закрыл рот. Кивнул. Вышел.

Я остался один.

Через стекло — она.

Я отвернулся к сейфу и стал рыться в папках.

В дверь постучали.

— Александр Михайлович, — голос Беловой. — Можно?

Глава 9

Юлия

Самое мощное оружие — послушание, доведённое до абсурда.

Я вошла в его кабинет ровно через три минуты после того, как из приёмной выплыли двое в дорогах пальто. На подлокотнике кресла лежал забытый кашемировый шарф.

Гордеев стоял у окна. Развернулся.

И замер.

Я видела, как его взгляд прошёлся по мне — сверху вниз, медленно, цепко. Волосы натянуты так туго, что кожу на висках стянуло. Губы — бледные, без единого намёка на цвет. Блузка застёгнута до последней пуговицы, ворот упёрся в горло.

Идеально.

Что-то мелькнуло в его глазах. Челюсть дрогнула, уголок рта поехал вниз — на долю секунды, — и снова маска.

— Александр Михайлович, документы по северному направлению на подпись. — Я положила папку на край стола. Ровно, параллельно краю. — Маршрутные листы, тарифная сетка, акты сверки по Северодвинску. Нужна виза до пятницы.

Он сел. Открыл папку. Пальцы перевернули первую страницу.

— Тарифы пересчитаны?

— Страница сорок семь. Таблица три.

Перевернул. Нашёл. Я стояла, сцепив руки за спиной, и ждала. Спина прямая. Дыхание ровное. Лицо — гипсовый слепок.

Гордеев поднял глаза.

— Вы свободны, Юлия Дмитриевна.

— Благодарю, Александр Михайлович.

Я развернулась. Четыре шага до двери.

— Белова.

Остановилась. Рука на дверной ручке.

— Вам идёт, — сказал он. Пауза. — Дресс-код.

Я обернулась. Посмотрела ему в глаза.

— Спасибо за обратную связь. Учту.

Вышла. Закрыла дверь.

И только в коридоре, привалившись к стене, позволила себе выдохнуть. Руки тряслись. Но он этого не увидел. И не увидит.

Ярик сидел на ковре посреди комнаты и строил трассу.

Детали конструктора разлетелись — красные, синие, жёлтые — и он сосредоточенно соединял рельсу с поворотным элементом, прикусив язык от усердия. Щёки порозовели, температуры нет. Динозавр с оторванным хвостом лежал рядом — на случай, если понадобится моральная поддержка.

— Мама, смотри! Кольцевая!

— Вижу, маленький. Красота.

Я села на пол рядом. Ноги гудели, в висках ещё пульсировал офисный свет, но здесь — ковер, тёплый ламповый полумрак, запах детского шампуня и Жаннинного борща из кухни — здесь я могла дышать.

Ярик потянул поворотный элемент. Деталь соскочила. Трасса развалилась.

Он нахмурился.

И я увидела.

Складка у губ — вертикальная, упрямая. Излом бровей. Подбородок, выдвинутый вперёд. Он выглядел точной копией человека, который доставлял мне столько хлопот последние дни.

Холодок прошёлся по спине — от затылка до поясницы, — хотя в квартире было двадцать три градуса.

Ярик молча пересобрал стык. Получилось. Складка разгладилась.

Я встала и ушла на кухню. Жанна сидела за столом, помешивая чай ложечкой. Посмотрела на меня — и ложечка замерла.

— Юль, ты вся белая.

Я села напротив. Сжала кружку обеими руками. Чай обжигал пальцы сквозь керамику, но я не отпускала — мне нужно было чувствовать хоть что-то, кроме.

— Жан, — сказала я тихо. — Мой новый генеральный — Гордеев.

Ложечка звякнула о блюде.

— Какой Гордеев?

— Тот самый.

Жанна медленно откинулась на спинку стула. Рот приоткрылся, закрылся. Она посмотрела в сторону комнаты — туда, где Ярик возился с трассой, — и снова на меня.

— Юля...

— Знаю.

— Он знает про...

— Нет. И не узнает. Жан, он сидит в кабинете напротив. Через стеклянную стену. Каждый день. Если он увидит фотографию, если кто-то скажет... — Я замолчала. Горло перехватило. — Те же глаза. Тот же подбородок. Та же складка у губ, когда злится.

Жанна накрыла мою руку ладонью.

— Справимся.

— Знаю, — я убрала руку. — Всегда справляемся. Мне просто нужно, чтобы ты это знала. На случай, если...

— На случай ничего, — отрезала Жанна. — Ты сильнее этого, Юлька. Всегда была сильнее.

Я кивнула. Допила чай. Пошла укладывать Ярика.

Он уже лежал в кровати, натянув одеяло до подбородка. Динозавр — под мышкой. Глаза — серые, огромные в полумраке ночника — смотрели на меня.

Через минуту дыхание выровнялось.

Я сидела в темноте и смотрела на его лицо. На складку, которая даже во сне не разгладилась до конца. На ресницы — длинные, как у отца.

Только бы Гордеев не узнал о сыне.

Ночью мы пекли пирожки.

Это вышло случайно. Я хотела просто занять руки — замесить тесто, пока Ярик спит, а в голове ещё крутятся события дня. Но Жанна услышала возню на кухне, вышла в халате, встала в дверях.

— Ты чего?

— Пирожки.

— В час ночи?

— Ну.

Она молча достала вторую разделочную доску.

Мы лепили рядом — я с капустой, Жанна с картошкой — и разговаривали ни о чём. О тесте. О том, что дрожжевое лучше отдыхает в тепле. О том, что мама клала в начинку яйцо, а Жаннина — нет, и это принципиальная разница.

Потом Жанна сказала:

— Мне Костик написал. Из Турции. И фотку заката прислал, гад.

— И?

— И я ему ответила: «Красиво». Одним словом. Пусть думает, что мне всё равно.

— А тебе?

Жанна помолчала. Обмяла тесто.

— Мне сейчас всё равно, с кем он там. Мне не всё равно, что я пять лет готовила ему завтраки, а он ни разу не спросил, хочу ли я вообще завтракать.

Я не ответила. Просто подвинула ей противень.

К четырем кухня пахла так, что даже вытяжка сдалась.

— Нам это втроём не съесть, — сказала я, глядя на количество.

— Возьми на работу. — Жанна пожала плечами.

— Оль, пирожки с капустой. Угощайся.

Ольга подняла голову. Принюхалась. Глаза стали круглыми.

— Юль, ты их сама...

— Ночью пекла. Бери, пока тёплые.

К десяти часам вокруг контейнера собралась целая компания.

Оля принесла солёные огурцы из дома. Диспетчер Паша притащил термос с травяным чаем. Денис заглянул, взял два пирожка, улыбнулся и побежал по своим делам.

Запах домашней выпечки расплзался по коридору. Тёплый, сдобный, с ноткой капусты и жареного лука. Он заполнял опен-спейс, просачивался под двери, добирался до приёмной генерального.

Я сидела в своём аквариуме, работала с таблицами и краем глаза наблюдала через стекло, как Гордеев то и дело поднимает голову. Как его ноздри дрожат. Как он посмотрел в сторону общей зоны — туда, где смеялись мои люди.

Мои. Не его.

Он мог запретить мне помаду. Мог запретить каблуки и распущенные волосы. Мог посадить меня в стеклянную клетку и наблюдать. Но он не мог запретить мне быть человеком, которому доверяют. Вокруг которого собираются. Ради которого приносят солёные огурцы и травяной чай.

Денис задержался у моей двери. Стоял, жевал пирожок, рассказывал про новый маршрут на Вологду. Я кивала, улыбалась.

Через стекло — взгляд. Тяжёлый, тёмный. Гордеев смотрел на Дениса. На меня. На пирожок в руке Дениса. На мою улыбку.

Очередной карандаш в его пальцах треснул.

Денис ушёл. Я вернулась к таблицам. Сердце колотилось.

Вскоре запах выпечки смешался с ароматом Олиных солений, и этаж благоухал так, будто где-то рядом открылась деревенская кухня. Мой аквариум перестал быть клеткой. Он стал центром.

И Гордеев видел каждую минуту.

Он вошёл без стука.

Дверь распахнулась так, что стеклянная створка качнулась в петлях. Я подняла голову от монитора. Гордеев стоял на пороге — пиджак расстёгнут, галстук ослаблен, скулы заострились.

Шагнул внутрь. Закрыл дверь.

И потянул шнур жалюзи.

Пластинки поехали вниз — одна за другой. Коридор исчезал — сантиметр за сантиметром, лицо Оли, проходящий мимо курьер, весь мир.

Щелчок последней пластинки. Тишина.

— Белова.

— Слушаю, Александр Михайлович.

Голос вышел ровным. Я даже удивилась.

— Ты решила устроить базар в рабочем помещении?

— Сотрудники принесли еду из дома. Это не запрещено внутренним регламентом.

— Я спрашиваю не про регламент. — Он шагнул ближе. — Я спрашиваю про тебя.

Пирожки, Белова? Серьёзно?

— У меня хороший рецепт.

Его ноздри дрогнули. Он сделал ещё шаг. Я отодвинула кресло и встала — сидеть, когда он нависает — выше моих сил.

— Это саботаж, — сказал он.

— Это капуста, картошка и тесто.

— Не играй со мной.

— Я не играю. Я работаю. С девяти. Как вы приказали, Александр Михайлович.

Я сделала шаг назад. Машинально. Он — вперёд.

— Ты думаешь, я не вижу, что ты делаешь? — Голос снизился, стал тише. От этой тишины по рукам побежали мурашки. — Пирожки, улыбочки, верный экспедитор с кофе. Ты меня дразнишь.

— Я забочусь о коллегах. А если вас это задевает, то причём тут я.

Ещё шаг назад. Спина коснулась стеллажа. Металлический край полки впился между лопатками. Папки стояли плотным рядом — корешки упёрлись мне в поясницу.

Гордеев остановился. Между нами — полшага. Его парфюм заполнил лёгкие. Горький, древесный, тот самый.

— Я тебя не дразню, — сказала я. — Мне нет до тебя дела.

Его глаза потемнели. Зрачки расширились.

Папка упала.

Я дёрнулась от неожиданности — локоть задел корешок, и толстая бордовая папка соскользнула с полки, ударилась о пол, раскрылась веером страниц. Мы оба посмотрели вниз.

И оба наклонились.

Его пальцы накрыли мои.

Секунда.

Две.

Мы замерли так — согнувшись над рассыпанными страницами, пальцы к пальцам, — и я почувствовала его дыхание на виске.

Его большой палец провёл по моей костяшке — от сустава к ногтю. Одно движение.

Меня прошило от пальцев до позвоночника.

Я выпрямилась. Он поднялся следом. Не отпустил. Его пальцы всё ещё держали мои.

Подняла голову. Серые глаза — на расстоянии ладони. В них горело что-то, от чего у меня подогнулись колени.

Его губы в нескольких сантиметрах.

Он наклонялся всё ближе.

Тело подалось вперёд без разрешения, против всего, что я обещала себе тысячу раз. Я почувствовала тепло его губ, почти касалась — ещё полвдоха, ещё полмиллиметра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.